

Вечером того же дня Го Бохай, расслабившись, разложил на полу своих покоев книги. Это была третья по размерам комната в поместье после опочивален главы У и юного господина. Здесь было все, что нужно, и даже больше: внушительных размеров кровать, закрытая шелковым пологом, книжные полки, сундук, в котором хранились одежды, столик с бронзовым зеркалом, украшенным резными цветами, массивный красный стол, выструганный из самой дорогой древесины. Но Го Бохай вечно сидел на полу или на земле, забывая обо всяких удобствах, — это была его очередная странная привычка, которую наследник охотно перенял еще в детстве, но мать быстро его от нее избавила.

Рассматривая новоотпечатанные и прибывшие с Востока книги — все части «Небес и небожителей», — он сосредоточенно распределял тома цвета небесной цин [1] по какому-то понятному только ему порядку. Подобные занятия так затягивали наставника, что он часто забывал о прошлых делах. В точности, как сейчас: гребень, которым он хотел расчесать волосы так и остался лежать на полу. Все издания раскладывались на первый взгляд хаотично, сам же Го Бохай, задумчиво терзая губу, уже решил: именно в такой последовательности его ученик примется изучать новое. Звук внезапно отворившейся, как от сильного порыва ветра, двери застал его врасплох.

[1] В Китае цвет цин ассоциируется с весной и востоком. Оттенки могут варьироваться от синего до зеленого и черного.

— Учитель!

Не спросив дозволения, У Чан ворвался в комнату, и поток слов обрушился на растерянного Го Бохая:

— Учитель, я прочитал... прочитал о чистилище! Почему вы сказали, что мне еще рано? С пристанищем душ связано много интересного! Например, два стража, которые охраняют его. — Охваченный восторгом, он пал перед наставником и гордо положил маленькую книгу на стопку томов. — Оба были созданы из чего-то единого, олицетворяют собой противоположные энергии инь и ян, но при этом сосуществуют в мире и гармонии! Ни боги, ни демоны не в силах на них повлиять.

Увлеченно рассказывая, У Чан похлопал рукой по стопке книг, которые в тот же миг рассыпались.

— У Чан! — отодвинув руку ученика, возмутился Го Бохай. — Ты ворвался ко мне в столь поздний час только ради этого? Ты не задумывался, вдруг наставник готовится ко сну? Не таким манерам я тебя учил...

Строгое замечание вернуло ученика на землю, заставив ощутить стыд, он отодвинулся назад и склонил голову, показав предательски покрасневшие уши.

Го Бохай был вынужден снова собирать тома в нужном порядке. Пребывая в молчании, он принялся за дело, и через время взгляд мужчины заметил замарашку, принесенную учеником.

— Я же просил тебя не отвлекаться! — Извините... С протяжным вздохом отложив в сторону стопку книг,

Го Бохай взялся ее листать — такой жест обрадовал У Чана, и, словно щенок, виляющий от счастья хвостом, он придвинулся обратно и принялся наблюдать.

То, что У Чан называл книгой, больше походило на десяток сшитых между собой страниц, вдобавок не отпечатанных, а исписанных человеком мягкой руки: слова были неаккуратно накарябаны. Чтобы разобрать их, нужно было внимательно всматриваться в каждую черту иероглифа, отчего глаза по-настоящему страдали. От такого наплевательского отношения автора «книги» к своей работе Го Бохай потерял весь интерес и желание знать, что там внутри. Однако мельком пробежавшись по символам, его охватило чувство, что он где-то их уже видел.

— Учитель... — своим окликом У Чан вырвал наставника из раздумий. — Там что-то неверно?

Го Бохай перевернул страницу, еще немного похмурился, расслабил губы и ответил:

— Да нет, как раз неплохо описано. «Пожалуй, впервые...» — мысленно добавил он. Кто бы мог подумать, что подобное столь обрадует ученика! Наследник вскочил с места и через мгновение уже держал холодную ладонь наставника в своих руках.

— Прощу, учитель, пойдете со мной завтра на рынок... Я покажу вам много интересного и заодно узнаю у торговца книг о тех самых стражах. Вдруг у него еще что-то есть!

Говорить, что случилось с возмущенным наставником, нет смысла, ибо, как только он увидел сияющее лицо У Чана, его недовольство сразу же словно кануло в небытие. Продолжая смотреть в глаза воспитанника, что блестели от счастья, Го Бохай уже и позабыл, о каком именно рынке шла речь.

— Учитель пойдет? Скажите, что пойдет? — Думаю, можно... У Чан стиснул руку, которую все это время трепетно держал, отпустил ее и поспешно покинул комнату. Дверь быстро закрылась, оставив наставника, пребывающего в забытии, одного. Покинутая комната, но не покинутый дух... Чувство, что его кожи все еще касаются пальцы воспитанника, не покидало его, и, опустив взгляд на ладонь, Го Бохай подумал: «Неужели ты так быстро вырос?..»

Ранним утром за дверьми покоев господина Го раздался топот пары ног. Проснувшись от звуков суеты, но не придя в себя, он распахнул дверь и, уже намереваясь высказать свое недовольство, замер. Тот, кто появился перед ним, стер гримасу возмущения с его лица и бросился к нему, чуть не свалив на пол.

— Юэ! Нельзя! — раздался приказ.

У Чан примчался на выручку и попытался оттащить четырехлапого великана, еле обхватив того руками. Когда-то это был слабый и болезненный щенок, которого выхаживал Го Бохай. Теперь же волчица, если вскакивала на задние лапы, становилась ростом с человека. Го Бохай и представить не мог, что это утро у него будет таким... слюнявым.

— Юэ! Учитель, извините! — Ничего... Поглаживая скулящего зверя по длинной пушистой шерсти и слегка взъерошивая ее руками, наставник опустил передние лапы волчицы со своих плеч и начал приводить себя в порядок.

— Тебе не кажется, что ты рано засобирался, да еще и Юэ взял с собой?

У Чан улыбнулся.

— Учитель наверняка не желает, чтобы я прогулял занятия, долго бродя по рынку, поэтому я подумал, что, выйдя пораньше, после мы успеем к утреннему чтению трактатов. А Юэ была бы

безмерно рада пройтись с вами, вы только посмотрите на ее счастливую мордашку!

Пустив в ход лесть, У Чан посчитал, что так наставник уж точно проникнется доверием к его словам. Но разве в этом когда-то была нужда? И так было видно, что мужчина во всех вопросах на стороне своего воспитанника, что бы тот ни удумал. Удивляясь, Го Бохай выговорил:

— У Чан... я полагал, и так понятно, что занятий сегодня не будет...

Ученику даже не пришлось произносить вопросительное «что»: его растерянное и от того прелестное выражение лица само говорило за него. С того момента, как наследник прочел первую книгу, врученную ему наставником, занятия еще ни разу не отменялись. Изредка заканчивали раньше положенного, но такого, как сейчас, не было. Пожалуй, Го Бохай решил, что юный господин устал от его внимания, да и отдых никто не отменял. Но У Чан, не веря услышанному, столь сильно распереживался, что впервые позабыл спрятаться от взора пары прелестных серых глаз.

— Кхм... — неловко покашлял Го Бохай. — Найдите пока себе с Юэ занятие. Этому наставнику нужно время, чтобы собраться.

Он закончил свою речь быстро, словно не понимая, что еще добавить, захлопнул двери и оставил ученика наедине с питомицей и спутанными мыслями.

Единственной, кто смог оценить всю странность картины, была Юэ [2] — волчица, названная так из-за своего окраса. Она склонила голову, покрытую светло-серой шерстью, набок и продолжила следить за застывшим в смятении молодым господином.

[2] Юэ [月] — «луна»; «лунный свет».

Оказалось, что ждать этим двоим предстояло долго. Слоняясь по двору, ученик даже начал жалеть о том, что так рано вскочил. Достопочтенный господин Го был, возможно, единственным мужем в поместье У, кто имел пристрастие к разным видам одеяний. Никто точно не знал, сколько ему лет, однако на вид он был достаточно молод, а уж как обаятелен и красив... Находясь на самом пике цветущего периода мужской красоты, Го Бохаю было позволительно носить облачения разных цветов и фасонов. Однако статус наставника все же вынуждал его быть поскромнее. Поэтому чаще всего Го Бохай покупал — даже если знал, что ни разу не наденет, — то, что ему нравилось. Падкий на ткани, он собирал не только самые утонченные и редкие рукотворные работы, но и непонимающие взгляды. У Чан каждый раз поражался, видя новые облачения мужчины, и, в отличие от криволицых сплетников и завистников, восхищался искренне и неподдельно.

Когда Го Бохай наконец вышел, ученику стало понятно, почему пришлось так долго ждать: белая рубашка с высоким воротом, широкий темный пояс, свободные рукава и халат на его теле были расшиты плывущими облаками. Работа неизвестной и умелой мастерицы переливалась на солнечном свете, а когда Го Бохай двигался, будто бы оживала. Казалось, ветер подует и рассеет клубившуюся пелену, из-за которой предстанут заснеженные верхушки гор. Одеяние нежно подчеркивало линии узких талии и плеч, но скрывало ото всех подтянутое постоянными тренировками тело. Го Бохай был прелестнее первого мазка живописца, от которого ахают зрители.

Поэтому, только увидев его, У Чан не удержался и промолвил:

— Учитель, вы... Ваши одежды в наивысшей мере очаровательны!

Однако подобные теплые слова Го Бохай всегда отвергал, кто бы это ни говорил, — ему было легче принять неодобрение, нежели услышать приятное:

— Не стоит, это мое самое обычное одеяние, привезенное с востока Поднебесной.

Стоя рядом с молодым господином и волчицей, что с ликованием, виляя хвостом, реагировала на все его слова, он задал вопрос:

— Ученик подготовил лошадей?

Столица Тяньцзинь окружает гору Хэншань, на которой располагается резиденция клана У. Чтобы добраться до внутренних ворот города, достаточно сойти по горным ступеням в самый вниз, однако наставник с учеником собирались на рынок. В Тяньцзинь их было несколько, и все располагались в южной части города. Путь от поместья до ближайших южных ворот составлял час пешего хода или же двадцать минут езды на лошадях. Взяв их, У Чан и Го Бохай в скором времени ходили бы по рынку, однако ученик без капли сомнения в своем выборе промолвил:

— Я посчитал, что мы отправимся своим ходом... — Что... — наставник сдержанно кашлянул в кулак. Теперь, взвесив то, что сказал ранним утром У Чан, и то, что он говорил сейчас, Го Бохай выдохнул и понял: тот и не думал возвращаться к занятиям.

Спускаясь по каменным ступеням, они приблизились к территории, где стояли маленькие домики местных слуг и конюшня. Го Бохай с отчаянием взглянул на лошадей, что трапезничали свежим сеном, а затем посмотрел на идущего впереди юношу.

«Неужели и правда своим ходом...» — в глубине души наставник надеялся, что это всего лишь безобидная шутка ученика.

Го Бохай замедлился у конюшни в надежде, что молодой господин все-таки заметит его расстроенный вид. Его можно было назвать терпеливым человеком: монотонные занятия не могли вывести его из себя, как и шалости У Чана, вот только пешие прогулки все же доставляли ему неудобство. И была причина, по которой Го Бохай не мог жаловаться вслух об этом. В северных краях Поднебесной не приветствовалось и даже считалось дурным тоном показывать слабости брэнного тела: ни усталость, ни даже немочь. Это берет свое начало из некоего представления людей о бессмертных мужах, восседающих на Небесах, а точнее о трех драгоценных императорах: Яшмовом, Нефритовом и Жемчужном. Были и другие бессмертные величества, вознесшиеся после этой троицы, но только они — имеющие в своих руках безграничную силу, в мыслях — нескончаемый оптимизм, а в теле — дух, неподвластный никому, — стали примером для подражания у смертных. Людям на Севере таким образом хотелось быть на шаг ближе к богам. И даже при том, что в обществе высокопоставленных господ или привилегированных чиновников такому, например, как Го Бохай, следует являть собой непоколебимый образец бессмертного, все всё же понимали — он человек, а не небожитель.

Остановившись у тропинки, У Чан взглянул на густые высокие кусты и со странной хитрецей в голосе задал вопрос:

— Учитель, скажите, хотите ли вы сократить путь? Или мы пойдем по известной всем тропе?

— Если есть возможность добраться до южных ворот рынка быстрее, этот наставник был бы невероятно рад, — не подозревая о возможных последствиях, ответил Го Бохай.

Желание наставника обойтись меньшим количеством шагов сыграло на руку воспитаннику.

Более не взвешивая все за и против, он схватит Го Бохая за руку и нырнул в кусты, что росли у тропы, идущей вниз.

У Чан все время вел его за собой, отодвигая ветви на пути в сторону и приговаривая:

— Аккуратно, учитель! Тут смотрите под ноги... Ой, ветка слева!

И у того не было выбора — приходилось уворачиваться. Го Бохай и хотел бы возмутиться, но его от этого отвлекала Юэ, которая постоянно крутилась под ногами и мешала свободно шагнуть. Наконец, потеряв координацию, он оступился и уже готов был упасть, но на помощь подоспел У Чан, вовремя подставивший плечо.

— Учитель, вы в порядке?

Мысленно Го Бохай разразился гневом: «Да как с вами быть в порядке?! Один несется сломя голову, вторая так и норовит сбить с ног». Все еще негодуя про себя, он торопливо поправил одежду, как услышал:

— Пришли!

У Чан объявил это и отодвинул последнюю преграду из листьев. С небольшого уступа, на котором они сейчас стояли, Го Бохаю открылся вид на город.

Красоту Тяньцзинь можно было передать только словами из посвященной ему песни, что путешественники разносили по соседним землям: «Высокие дома — как величие нашего Севера, великолепные улицы — как ум главы, красивые дамы — как лицо местной госпожи, сильная стража — как небесные духи-покровители мира людей». Этот город был крупнейшим поставщиком оружия и доспехов. Среди его жителей были самые сильные и стойкие мужи, поистине не знавшие усталости, и от природы изысканные и прелестные, как нежные бутоны, красавицы, поэтому несложно было снискать такую славу у других территорий Поднебесной. Сюда съезжались все господа, желавшие обновить арсенал и найти невесту своему наследнику.

Центральный рынок Тяньцзинь.

У Чан вел наставника по большой рыночной площади, называемой Блаженным местом. Достопочтенные господа без дела размеренно гуляли здесь в поисках чего-то исключительного, румяные дамы, украшенные цветком на лбу или месяцем на скулах [3], примеряли шелка. По атмосфере это место больше походило на праздничный фестиваль.

[3] В Древнем Китае в макияжах присутствовало несколько элементов, которые были связаны с легендарными красавицами разных эпох. Цветок на лбу отсылает к истории о неописуемо красивой принцессе Шоуян, к которой прилип лепесток. Бедняжке пришлось так и ходить, однако из-за этого на ее прелестное лицо стали еще больше обращать внимание. Месяц на скулах берет свое начало в сказании о наложнице Сюэ, которая поранилась, и шрам на ее скуле зажил в виде месяца. Несмотря на увечье, император стал любить ее сильнее, а придворные дамы принялись копировать ее особенность, но не оставляя увечий, а нанося соответствующий макияж.

Проходя мимо прилавков, можно было почувствовать тонкие ароматы сандалового масла, разносящегося от Дома духов; только взглянув на ткани, — ощутить их мягкость и благородство; не желая быть ослепленным блеском стали, лишь посмотрев на оружие тонкой

работы, что куют лучшие кузнецы города, — осознать, насколько оно остро.

Всё в Тяньцзине — от домов на простых улочках до лавочек и павильонов на площади рынка — говорило о богатстве, пришедшем в эти места с нынешним владыкой Севера, отцом У Чана. При виде сребровласого юноши все кланялись, выказывая свое глубочайшее уважение наследнику и будущему небожителю. Хотя он был еще крайне молод, к нему уже относились, как к высокопоставленному господину: кто, если не он, будет решать судьбу Севера?

Но У Чан так и не смог привыкнуть к их низким поклонам и лестным приветствиям, его угнетало излишнее внимание к своей персоне. Если бы его когда-либо спросили: «Кем хочет быть молодой господин?», он наверняка ответил бы: «Призраком, невидимкой, не знаю, выберете сами...» И об этом хорошо знал его наставник.

— У Чан, тебе уже давно надо бы научиться скрывать свое недовольство... Достопочтенные господа могут воспринять это как оскорбление, — сказал Го Бохай и, подбадривая, похлопал его по спине. — Кто же потом будет ставить благовония для твоего величества и делать подношения?

На это У Чан без особого энтузиазма ответил:

— Как же скрывать недовольство этому ученику, когда он видит в их глазах только выгоду?! Рожденный под счастливым созвездием, избранный Небесами... Каждый из них только об этом и думает, оттого их напряженные улыбки и застыли.

— Отчасти ты прав, — улыбнулся Го Бохай. — Но они всего лишь дарят тебе приветствие. Не думай о том, какую цель они преследуют, в этом мире не все живут по написанным правилам. К тому же никогда не суди людей по их образу: тот, кто вызывает недоверие, может примчаться тебе на выручку, а тот, кто кажется достойным твоей открытости, — стать твоим поражением.

У Чан остановился, взглянул на наставника и усмехнулся.

— Учитель, не будь вы так молоды, я бы подумал, что вам сотни лет. Иногда вы говорите, как старец, живущий у водопада или на горе...

— Ха! — Го Бохай мягко щелкнул ученика по уху.

Разговоры про возраст всегда забавляли Го Бохая. Люди то и дело старались выведать, сколько ему лет, а кто-то даже утверждал, что он бессмертный или облаченный в упругое тело старец, который очистил свой разум в медитациях и вернулся в бренный мир передать свою мудрость юному ученику. Из-за своего молодого вида и рдеющих щек Го Бохай нередко становился объектом внимания и зависти. Ему ничего не оставалось, как научиться смеяться в ответ.

— Учитель!

Го Бохай обернулся на голос и увидел, как ученик склонился над прилавком. Тут же к нему подбежала пожилая дама. — Ох-ох! Молодой господинУ! Прошу, уважьте меня и угоститесь, — она ладонью указала на свой товар. Прелестные, сочные и благоухающие фрукты украшали ее прилавок. Соблазнительные ароматы от ягод и нарезанных плодов смешались в один неопикуемый запах, вызывавший у прохожих желание насладиться сладостью продаваемого.

Го Бохай покачал головой и сказал: — Мы же не для этого пришли. Но женщина быстро добавила: — Не думайте о деньгах, для вас, господа, все бесплатно. От услышанного Го Бохаю

стало неловко:

— Что вы, тетушка, разве можно так? У Чан, чего бы ты хотел?

— Я? — Он немного замялся, но все же, не желая смущать наставника своей настойчивостью, добавил: — Если... Ну, если возможно, я бы утолил голод яблоком. Но только после вас...

Должное воспитание в наследнике проявлялось странным образом только при наставнике: никому У Чан не выказывал такого уважения, как ему. Даже госпожа У понимала по грубым и скомканным ответам сына, насколько он черств с ней, но мягок с учителем. Настолько мягок, что нередко терялся в словах и краснел от своей нерешительности.

Го Бохай кивнул:

— Прощу, тогда выбери и мне... Но в ту же секунду и женщина обратилась к наследнику: — Возможно, молодой господин хочет испробовать что-то необычное для наших краев, а? Только недавно пришел груз. Женщина выложила на прилавок то, о чем говорила, и Го Бохай удивленно протянул: — Персики?! — Он прямо-таки засветился от изумления. Бурные восклицания в отношении этого фрукта были привычны для продавцов: здесь, в северной части Поднебесной, плоды персикового дерева погибали, не успевая созреть. Для У Чана реакция наставника была новой и совершенно незнакомой. Никогда еще Го Бохай не был так неописуемо рад чему-либо: блеск его глаз и предвкушающая улыбка были не сравнимы ни с чем на свете.

Тетушка взяла круглый плод, нарезала его на ломтики и, протянув поднос к У Чану, с гордостью произнесла:

— Вот, молодой господин!

Однако он отказался. Оранжево-розовые мягкие дольки ни капли не привлекали наследника. Заинтересованный взгляд наставника — то единственное, что по-настоящему увлекало его. Недолго раздумывая, У Чан подвинул поднос к Го Бохаю.

— Попробуйте, учитель!

У Чан смотрел на него, словно тот впервые будет пробовать экзотический плод, а наставника и уговаривать не пришлось. Он медленно, растягивая каждое мгновение, взял дольку и спрятал ее за пухлыми губами. Наследник пристально следил за каждой его эмоцией, боясь упустить момент. И все ради одного мига, который превзошел все ожидания У Чана. Го Бохай воскликнул:

— А-а-ах... Вкус бесподобный! — Под восторженное заключение он притронулся к губам и продолжил: — Какие сладкие! От такого и умереть не жалко!

И правда не жалко: свет, озаряющий его лицо, для У Чана стал ярче блеска местных богатств, а необыкновенное счастье наполнило его сердце.

— Тетушка! — изумился У Чан. — Нам все персики, что есть у вас!

— Но... — не успела она возразить, как на прилавок из мешочка посыпались монеты.

— Этого достаточно? — решительно спросил он.

— У Чан, зачем же так много? — удивляясь, поинтересовался Го Бохай.

— Действительно, молодой господин У, у меня тут их полная корзинка, не много ли... — женщину словно что-то смутило, и она покосилась на Го Бохая.

— Все!

У Чан был непоколебим, даже слова наставника он пропускал мимо ушей:

— У Чан, прошу, образумься! Но ученик повернулся к нему и заявил: — Если эти фрукты дарят учителю радость, я не могу не купить их все! Даже когда они закончатся, я буду каждый день их покупать!

Го Бохай прекрасно осознавал — это наводнение никак не остановить, можно только смиренно плыть по его течению. Вздохнув, он кивнул тетушке.

Наследник схватил корзину, как самое драгоценное, что есть на свете, и, отказавшись от помощи, понес ее сам. Наполненная доверху персиками, она так и норовила освободиться от них. Еще и волчица крутилась под ногами. Го Бохай наблюдал за всем этим, но ничего не мог поделать. В мыслях только и крутилось, какой У Чан временами упертый.

— Учитель! — М-м-м? — Почему вы раньше не говорили об этом? — остановившись, спросил У Чан. — О том, что любите персики... Это было действительно странно: всем вокруг казалось, что единственная страсть Го Бохая — это чтение старых занудных книг, но, даже зная это, никто ни разу не замечал, чтобы они вызывали у него такие эмоции. Можно сказать, это был первый раз, когда наставник проявил слабость к чему-либо, кроме своего ученика.

— Не знаю... — Го Бохай продолжал идти вперед. — Прибыв на Север, я сразу смирился с мыслью, что ничего из того, что было в моих краях, я здесь не встречу. Но всё же замечу: это никакой не экзотический фрукт, — гордо заявил он. — Да, он сладок и неповторим, но не сравним с плодами восточного персика! Тот сорт намного слаще и приятнее.

Го Бохай мало что рассказывал о себе и своей жизни до прибытия на гору Хэншань. Он каждый раз уклонялся от расспросов невежд и лишь приговаривал: «Что вы, уважаемый, это очень скучная история, как бы вы не заскучали, слушая ее» — и эта тактика срабатывала со всеми, кроме воспитанника. Тот был куда настойчивее.

Пока У Чану еще было мало лет и учеба его слабо интересовала, Го Бохай развлекал мальчика рассказами. Обычно это были какие-то истории из его детства или присказки. Так, он однажды рассказал о весенних дождях и удивительной встрече. Люди часто связывали природные явления с божественными знаками. Так и здесь: дождь начинался в начале весны, встречая ее туманными облаками, словно смывая все плохие поступки смертных. Эта история была распространена на Юге, откуда прибыл Го Бохай, и у каждого рассказывающего звучала по-разному. По версии наставника, когда бог дождей и гроз был чем-то сильно разгневан, он покрыл всю Поднебесную наводнениями, чем вызывал у людей неподдельный ужас. Но не все винили его за содеянное. Среди смертных были и те, кто понимал: это результат не злобы, а... страданий. Ведь в этот день бог оплакивал павшего приятеля. Кто смел бы призвать его к смирению, когда в Поднебесной также гибли близкие?

Тогда в надежде отделаться от расспросов наследника Го Бохай утолил его жажду, рассказав У Чану о страданиях Поднебесной из-за эгоистичного бога. Вышло довольно забавно: скучающий от присказок мальчик загорелся интересом, вновь и вновь упрашивая наставника рассказать эту историю. В какой-то момент она даже приелась Го Бохаю. И не замечая того, он

рассказывал ее уже с новыми деталями, вспоминал песни об этом боге и о том, что изначально замысел рассказа был в усмирении непослушных детей, чтобы те сидели дома в проливные весенние дожди.

У Чан быстро шагал вперед. Затем вдруг остановился и сказал:

— Учитель! Тогда я найду способ привезти вам персики с Востока, или не быть мне наследником клана У и будущим богом!

«Неужели ты и правда начинаешь взрослеть?» — пробежала мысль в голове наставника. Ученик, ранее не желавший следовать заветам отца и матери, заговорил о родстве с ними и о своем будущем титуле, вызывая у наставника радостное удивление.

Они продолжили путь в сторону блошиного рынка, где ученик покупал странные книги, как вдруг У Чан вновь остановился.

— Я обещал учителю рассказывать, если что-то случается. Но что, если... есть один человек, чье тело я желаю покрыть синяками? Это бы сильно расстроило учителя?

Конечно сильно! Го Бохай был одним из самых рассудительных господ при дворе клана. Любой обидчик был очищен его прощением и окрещен словами: «Я знаю, вы не со зла. Так получилось, такие обстоятельства...» И все же он не мог сказать воспитаннику, насколько не одобряет его побуждения, так как это было первое подобное признание У Чана. Сотворив что-либо в детстве, наследник или начинал кричать на всех со словами «Это не я!», или, молча склонив голову, выжидал окончания словесной порки и признавал, как виноват, но никогда не озвучивал вслух свои помыслы, особенно такие жестокие.

Наставник в немой попытке узнать, что у того в голове, заглянул в глаза У Чана и увидел в них кипящий гнев и отражение человека, которому У Чан желал страшной участи. Го Бохай поднял голову и посмотрел в сторону, куда был направлен взгляд У Чана: то была небольшая толпа юношей и девушек и пара наследников других богатых домов Севера. Последние в сопровождении своих родителей часто навещали в дом правящего клана У — то за советом и просьбой, то передать жалобы народа на того самого хулигана, живущего в этих стенах. Эти двое были не обычными молодыми господами, как и У Чан.

Го Бохай поймал их взгляды на себе. Один юноша, что называл себя «будущим словом народа», был невысок и непривлекателен, он восполнял свои недостатки шелками и обществом наследников почтенных господ, его именовали Цюань Миншэн. Второй — красивее и выше первого, но воспитан был отвратительно: его гордыня и тщеславие, вызванные богатством семьи, совсем затуманили разум юноши, отчего он часто любил говорить: «Я стану богом войны, и смотрите мне, не жалейте благовоний!» Это был сын начальника округа Цзыю — Бань Лоу. Ненависть к двум молодым господам питали даже слуги семейства У, что попадали под их угрозы и нападки: «Неужели тебя не учили идти в тени облика этого господина!», «Это что, чай? Это вода с землей, ты меня отравить вздумал?!» И если у Бань Лоу был затуманенный рассудок от роскоши и власти, то Цюань Миншэн был просто дурачком, повторяющим все за первым и не пытающимся думать сам.

Для клана У дома Бань и Цюань играли важную стратегическую роль: контролируя немалое войско Севера, эти два семейства поддерживали правящего главу. С учетом только недавно остывших полей битв шанс, что кто-нибудь вновь поднимет бунт в попытках раздела территорий, был, а значит, союзников нужно держать близко. Поэтому никто, кроме родителей, не мог делать замечания избалованным господам, дабы не учинять конфликты.

Ненависть У Чана к этим двоим читалась в самом его взгляде и словно изливалась из глубин его сердца: «Убью!» — кричало бы оно, если бы могло. Один персик выпал из корзины на землю, но не успел наследник его подобрать и положить на место, как перед ним уже стояли Бань Лоу и Цюань Миншэн.

— Это же сам молодой господин У! Прошу меня извинить, этот достопочтенный не признал вас в образе слуги, несущего корзину фруктов! Соблюдая все правила светской беседы, Бань Лоу не смог сдержать свой острый язык и поэтому проявил инициативу поприветствовать наследника Севера. Го Бохай еще не понимал намерений подошедших, но уже полностью отдавал себе отчет: У Чан должен ответить, иначе жалобы на его голову посыпятся вновь. Потому мужчина, будто невзначай, пнул остолбеневшего в ногу. У Чан, словно проснувшийся от кошмарного сна, вздрогнул и прошипел:

— Приветствую юных господ... — но его дерзкая натура не позволила так просто закрыть глаза на оскорбление, и он добавил: — Скучную же жизнь проживают уважаемые господа, раз среди бела дня повстречались мне в таком месте. Родные лишили вас денег и теперь вы ищете, где бы подзаработать?

<http://tl.rulate.ru/book/68131/1810949>